

ОГРАБЛЕНИЕ ИСТОРИИ

Влад Велирский

Влад Велирский

Ограбление истории

«Автор»

2026

Велирский В.

Ограбление истории / В. Велирский — «Автор», 2026

Каждую ночь семь стеклянных хоров Лигата сверяют личные воспоминания горожан с официальной Хроникой. Молодая реставраторка Мира Левен находит под легендой о Дне Спасения след подавленного восстания и имя женщины, которую считает своей матерью. Чтобы вернуть городу украденное прошлое, она собирает пятерых специалистов и начинает невозможную подмену семи частей общей памяти. Но исходная история тоже оказывается искусственно собранной, а каждое исправление меняет навыки, отношения и личности живых людей. Теперь команде предстоит решить, можно ли освободить город правдой, навязанной тем же способом, что и ложь, — и переживёт ли Лигат ночь без единственной версии прошлого. «Ограбление истории» — самостоятельный фэнтезийный триллер о цене общей памяти, праве на противоречие и выборе, который нельзя сделать за другого.

© Велирский В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Шов на площади	6
Глава 2. Цена частной памяти	11
Глава 3. Человек, который спас город	18
Глава 4. Шесть причин солгать	22
Глава 5. Репетиция кражи	29
Глава 6. Первая подмена: место	34
Глава 7. Предложение хранителя	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Влад Велирский

Ограбление истории

От автора

Мы редко вспоминаем в одиночку. Даже самое личное прошлое хранит чужие слова: семейные пересказы, подписи под снимками, названия улиц, даты из учебников, паузы людей, которые однажды решили о чём-то не говорить. Память помогает нам оставаться собой — и всё же меняется каждый раз, когда мы сверяем её с памятью другого человека.

«Ограбление истории» выросло из простого и тревожного вопроса: что случится, если такая сверка станет не привычкой, а городской обязанностью? Если власть сможет исправлять прошлое не в старых книгах, а непосредственно в людях — в их навыках, привязанностях, обидах и чувстве вины? Тогда борьба за правду окажется опаснее разоблачения. Недостаточно будет найти спрятанную запись. Придётся решить, даёт ли найденное право менять всех остальных.

Лигат, его башни, жители и технология общей памяти полностью вымышлены. Однако выбор, перед которым оказываются герои, узнаваем: сохранить удобную цельность, принять болезненное противоречие или заменить одну безусловную версию другой. У каждого решения есть цена, и никто не может оплатить её только за себя.

Эту историю лучше читать так же, как её героям приходится слушать семь свидетельств: замечая не только то, что сказано, но и то, кто говорит, чего он хочет и чем готов пожертвовать ради своей версии прошлого.

Глава 1. Шов на площади

В семь минут до утренней сверки площадь помнила дождь, хотя небо над Лигатом было сухим.

Капли лежали на стеклянной пластине косыми серебряными нитями. Они сбегали с крыши домов, которых больше не существовало, и разбивались о плечи людей, умерших сто лет назад. Если смотреть прямо, дождь исчезал. Стоило Мире Левен наклонить голову, и он возвращался — вместе с запахом мокрой верёвки и рыбы.

— Либо шлифуй, либо любуйся, — сказал мастер Дорн из-за соседнего стола. — Через семь минут хор спросит, почему День Спасения пахнет пристанью.

В реставрационной палате всегда говорили тихо. Не из почтения к прошлому: стекло лучше человеческого уха запоминало громкие голоса. Неосторожное слово могло прилипнуть к пластине, и потом целый квартал просыпался с уверенностью, что основатель города ругался голосом сонного подмастерья.

Мира провела ногтем по краю рабочей маски. Тонкая кожа плотно закрывала рот и нос, но запах всё равно пробивался. Пристань. Соль. Водоросли, оставленные отливом на камнях.

На официальной пластине не было пристани.

В День Спасения, как его помнил каждый житель Лигата, горожане собрались на Верхней площади. За их спинами сияли семь ещё новых архивных башен. Над морем поднимался Столетний шторм, и первый хранитель поднял руку, призывая людей не бежать к лодкам. Вместе они закрыли приливные ворота, вместе удержали город, вместе назвали пережитое спасением. Эту сцену дети повторяли на школьных праздниках. Её узор был вырезан на монетах. Через двенадцать дней Кел Норд должен был сыграть первого хранителя перед всем городом.

На пластине под руками Миры люди стояли ровными рядами. Ни один не закрывал лицо от дождя.

— Осталось шесть минут, — напомнил Дорн.

Он не смотрел на неё. В этом и заключалась проверка. Сегодня Мира впервые получила право работать без руки наставника поверх своей. Если она восстановит юбилейную пластину до сигнала, её допустят в Главный архив. Если попросит помощи, останется младшей реставраторкой ещё на год. Если внесёт в сцену лишнее воспоминание, ей больше не доверят ничего крупнее семейных записей о свадьбах.

Мира взяла иглу с янтарным наконечником и коснулась дождевой нити. По стеклу прошёл едва слышный звон.

Верхняя площадь дрогнула.

На один удар сердца под ней открылось другое место.

Круглая низкая набережная. Каменные лотки. Сеть, натянутая между столбами. Вода уже переливалась через край, люди бежали не от моря, а к семи башням, которые в этой памяти были тёмными. Кто-то тянул тяжёлый рычаг у стены шлюза. Кто-то бил в медный таз. Над площадью — не площадью, поправила себя Мира, над кругом — звучал крик:

— Не закрывайте нижние!

Она отняла иглу. Официальная сцена вернулась так быстро, что стало больно глазам.

Дорн поднял голову.

— Что ты сделала?

— Нашла солевое включение.

— На юбилейной пластине?

— Старое стекло. Такое бывает.

Ложь получилась правильной: короткой, скучной и достаточно профессиональной, чтобы человеку стало неловко уточнять. Дорн нахмурился, но снова склонился над своим столом.

Мира поставила иглу в держатель. Янтарь на кончике потемнел. Это не было солевым включением. Соль давала белую муть, иногда чужую жажду, но никогда — целое место.

Место являлось первым из семи креплений события. Так учили даже начинающих: где, кто, почему, что сделал, кто засвидетельствовал, что изменилось и как всё это назвали. Если вынуть одно крепление, память становилась сном. Если два — эхом. Если заменить все семь, даже выдумка входила в человека как прожитый день.

До сверки оставалось пять минут.

Мира могла позвать Дорна. Он остановил бы работу, поместил пластину под глухой колпак и вызвал хранителя. К юбилею изготовили бы копию с чистого слепка. Никакого риска для города. Никакого Главного архива для Мира.

И никакого второго места.

Она посмотрела на ряды неподвижных людей. В официальной сцене все лица были обращены к первому хранителю. Привычная композиция казалась безупречной, пока не замечаешь одинаковый наклон голов. Слишком одинаковый. Будто сотня людей не слушала одного человека, а была вырезана одной рукой.

Мира сменила иглу на волосковую кисть. Обмакнула её в нейтральное масло и провела по тому месту, где дождь касался крайней фигуры.

Показалась женщина в коротком рабочем плаще. Она стояла боком к хранителю, словно собиралась уйти. Лица не было — только светлое пятно, срезанное при поздней шлифовке. На шее темнел шнурок с плоским ключом.

У Мира под форменным воротником лежал такой же.

Не сам ключ. Половинка. Тусклый медный зубец, единственная вещь, оставшаяся после того, как Саю Левен вычеркнули из городской памяти.

Мира не помнила день, когда это случилось. После вычёркивания почти никто не мог восстановить ни обвинение, ни решение суда. Оставались последствия: пустой стул дома, имя, запрещённое в школьных записях, привычка Мира покупать две груши и только у двери понимать, что вторая не нужна. В документах Сая значилась «лицом, содействовавшим искажению Хроники». Для города этого было достаточно. Для дочери — нет.

Женщина в пластине повернула срезанное лицо.

Мира услышала собственное дыхание под маской.

— Четыре минуты, — сказал Дорн.

На стене палаты зажглась первая из семи линий. Хор Карт готовился сверить городское «где». Следом проснутся лица, причины, действия, голоса, долги и имена. Свет пройдёт по башням, и всё, что не совпадает с Хроникой, на мгновение станет заметно своему владельцу. Большинство людей ощутит это как забытое слово на языке, затем общая память мягко заполнит пустоту.

Если пластина войдёт в сверку с открытым нижним слоем, пустоту может заполнить не Хроника.

Мира должна была закрыть шов.

Она взяла раствор для сращивания. Одна капля, и второе место снова станет недоступно — до следующего столетия или навсегда. Рука зависла над стеклом.

Женщина без лица держала ключ. Не доказательство невиновности. Даже не доказательство, что это Сая. Всего лишь деталь, похожая на вещь под воротником Мира.

Но поздняя шлифовка вокруг фигуры была нанесена тем же способом, каким стирали опасные имена: семь коротких движений по часовой стрелке, восьмое — против. Мира изучала этот след на семейных пластинках, пока наставники думали, что она упражняется в распознавании брака.

Она опустила каплю не на шов, а рядом.

Масло растеклось, выравнивая верхний слой. Для Дорна пластина теперь выглядела исправной. Для хора — ещё нет.

Мира развернула ладонь и нащупала под манжетой тонкий съёмник. Инструмент запрещали выносить из палаты; она носила его третий год. Не ради кражи. Ради уверенности, что в городе осталась хотя бы одна вещь, о которой Хроника не знала.

— Три минуты.

Съёмник вошёл под край поздней шлифовки. Стекло сопротивлялось не как вещество — как человек, который понял вопрос и не хочет отвечать. Мира передалось чужое ощущение: мокрые ступни в тесных ботинках, тяжесть чьей-то руки на плече, уверенность, что башни должны погаснуть до третьего удара.

Она повела лезвие вдоль шва.

Второе место открылось шире.

Рыбный круг был переполнен. Вода доходила людям до колен. Семь башен возвышались вокруг него, но свет шёл не из них — к ним. От каждого человека тянулась тонкая нить, и все нити сходились на женщине с ключом.

Теперь у женщины появилось лицо.

Не Сая.

Мира никогда прежде не видела этих широких скул, сломанного носа, седой пряди у виска. Разочарование оказалось таким быстрым и острым, что лезвие дрогнуло. От пластины отделилась прозрачная стружка длиной с ноготь.

В тот же миг под незнакомым лицом проступила надпись.

Сначала одна буква. Потом вторая.

САЯ ЛЕВЕН.

Имя не принадлежало лицу. Оно лежало глубже, привязанное не к женщине, а ко всей сцене. Мира наклонилась так низко, что край маски коснулся стекла.

Под именем шли другие. Десятки. Некоторые повторялись, некоторые были зачёркнуты, а поверх списка стояло одно официальное слово: ПРЕДАТЕЛИ.

По стене зажглась вторая линия.

Хор Лиц.

— Что там? — Дорн уже встал.

Мира сжала стружку в ладони. Край впился в кожу.

— Масло подняло старую маркировку.

— Покажи.

Он шагнул к её столу. Между ними оставалось пять локтей, потом четыре. Дорн был добрым наставником и верным служащим Хроники. Эти свойства никогда прежде не противоречили друг другу.

— Мира.

Она опустила ладонь в карман фартука и нажала большим пальцем на стекло. Боль помогла удержать собственное место: палата, северный стол, утренняя смена. Не Рыбный круг. Не вода в ботинках.

Дорн остановился в двух шагах.

Его взгляд упал на пластину. Второй слой уже бледнел. Без стружки нарушенная связность пыталась закрыться официальной сценой. Люди снова выстраивались ровными рядами; дождь исчезал с их плеч.

— Ты вскрыла шов?

Сказать «нет» было бессмысленно. Стекло помнило прикосновение лучше неё.

— Он уже был открыт.

— Швы сами не открываются.

— Тогда его плохо закрыли сто лет назад.

Дорн побледнел. Не от дерзости. От смысла.

Третья линия на стене вспыхнула янтарём — Хор Причин. По палате прошёл низкий звук, похожий на далёкий рог. Инструменты в держателях повернулись остриями к Главной башне.

— Отойди от стола, — сказал Дорн.

— Если я отойду сейчас, пластина войдёт в сверку несведённой.

— Я закрою её.

— Ты не видел нижний слой.

— Именно поэтому закрою.

Он протянул руку к глухому колпаку. Мира могла позволить ему накрыть пластину. Стружка уже была у неё. Имя — тоже. Она получила больше, чем надеялась найти.

Но на внутренней стороне стекла оставалась едва заметная дуга. Семь углублений, одно за другим. Крепления события. Первое, место, светилось влажным серебром. Остальные казались пустыми, пока хор не касался соответствующего слоя.

На четвёртой линии — Действие — в одном углублении мелькнул тёмный жест: чьи-то руки разжимают стопор шлюза.

На пятой — Свидетель — незнакомая женщина повернулась к Мире.

На шестой — Последствие — за её спиной рухнула башня.

На седьмой линии стена осталась тёмной.

Хор Имён не зажёгся.

Вместо общего сигнала по палате прокатился одиночный щелчок.

Дорн замер с колпаком в руках.

— Почему нет имени?

Пластина ответила раньше Миры.

Официальное слово ПРЕДАТЕЛИ дрогнуло. Под ним проступило другое, но прочесть его не удалось: буквы менялись быстрее, чем взгляд мог удержать форму. Восстание. Авария. Закрытие. Спасение. Убийство. Каждое имя тянуло сцену в свою сторону, переставляло людей, зажигало или гасило башни.

Затем все слова исчезли.

Из Главной башни пришёл удар.

Он был несильным, но воздух в палате сжался. Стеклянная пыль поднялась со столов и на мгновение повисла неподвижно. Мира почувствовала, как город ищет в ней совпадение: где она находится, кто стоит рядом, почему её рука в кармане, что она только что сделала.

Стружка впилась глубже.

Хроника нашла чужой осколок.

На стене над рабочим столом появилась тонкая красная черта. Она прошла от пластины к пальцам Миры и остановилась у её запястья.

Несанкционированное касание было зарегистрировано.

Дорн медленно поставил колпак на пол.

— Отдай то, что взяла.

— Я ничего не брала.

— Стекло не проводит метку к пустой руке.

Красная линия становилась ярче. Через минуту она передаст имя в Главный хор. Через две в палату придёт служба. Через три допуск Миры закроют, а её личную память сверят с пластиной. Если второй слой признают эхом, всё увиденное заменят правильной сценой так аккуратно, что она сама подпишет протокол и поблагодарит Дорна за помощь.

Мира посмотрела наставнику в глаза.

— Если я отдам её, ты прочтёшь имя?

— Это не наша работа.

— Моё имя было бы нашей работой?

— Не делай этого личным.

Она чуть не рассмеялась. В Хронике всё личное становилось общественным, но служащему запрещали делать общественное личным.

Дорн шагнул ближе.

Мира выдернула руку из кармана и прижала окровавленную ладонь к реставрационной пластине.

Дорн вскрикнул. Кровь нельзя было подносить к памяти: она несла слишком много живого контекста. Стекло впитывало боль, возраст, ритм сердца, последние прикосновения. Именно поэтому Мира выбрала кровь.

Красная метка раздробилась на десятки тонких линий. Они заметались между пластиной, инструментами, столом и Дорном, потеряв первоначальный путь. Главный хор ударил снова, требуя ясного ответа.

На три секунды палата ослепла.

Мира отступила к двери.

— Стой! — крикнул Дорн, забыв о тихих голосах.

Стены повторили его приказ шёпотом.

Она сорвала рабочую маску, толкнула дверь плечом и вышла в служебный коридор. За узкими окнами Лигат просыпался после сверки. На мостах торговцы разворачивали навесы. Внизу между архивными башнями бежали школьники, опаздывая на юбилейную репетицию. Никто не знал, что несколько мгновений город не смог назвать собственное спасение.

Мира спустилась на один пролёт, потом на второй. Служебные колокольцы пока молчали. Кровь стекала к локтю. Стружка лежала в кулаке, тёплая, как живая.

Она остановилась в тени под лестницей и раскрыла ладонь.

Прозрачный осколок был испачкан кровью, но не отражал её лица. Внутри по-прежнему шёл дождь. Женщина с чужим лицом держала ключ, а вокруг неё проступали и гасли имена.

Среди них Мира снова увидела САЯ ЛЕВЕН.

— Кто ты? — прошептала она.

Осколок отозвался голосом, который Мира не слышала одиннадцать лет и всё же узнала раньше первого слова.

— Не возвращай нам одно имя.

На верхнем этаже зазвонила тревога.

Глава 2. Цена частной памяти

Архивная тревога не гналась за человеком. Она гналась за несоответствием.

Пока Мира спускалась по служебным лестницам, колокольцы звенели этажом выше, проверяя комнаты одну за другой. Хор задавал стеклу простой вопрос: всё ли здесь помнит себя на своём месте? Двери отвечали петлями, шкафы — отпечатками ключей, рабочие столы — локтями реставраторов. Когда очередь дошла до северного стола, он назвал руку Миры.

Когда до её кармана — стружку.

Красная метка проступила на ткани, будто под фартуком медленно разгорался уголёк.

Мира свернула не к выходу, а в раздевальную. Три реставраторки у длинной скамьи одновременно подняли головы. После сверки люди двигались чуть медленнее обычного: каждый мысленно проверял, совпадает ли утро с тем, каким должно быть. Одна женщина держала чулок и никак не могла решить, собиралась надеть его или снять.

— Порезалась, — сказала Мира, показывая ладонь.

Кровь объясняла бледность, быстрый шаг и отсутствие маски. Она не объясняла светящийся карман.

Мира сорвала фартук, завернула в него стружку и сунула свёрток в корзину грязной формы. Красная метка осталась на ткани. Колокольцы за стеной повернули к раздеальной.

— Тебе в лечебницу, — сказала женщина с чулком.

— Сначала промою.

Мира открыла медный кран над каменной раковиной. Вода ударила в порез, смывая кровь тонкими розовыми петлями. Под шум она вытащила из воротника половинку ключа и опустила в сливную чашу.

Старая медь коснулась трубы. Где-то внизу щёлкнул запор.

Сая никогда не объясняла, от чего был этот ключ. В детстве Мира вставляла половинку во все замки дома, царапала дверцы шкафов, однажды застряла ею в часовом механизме. Мать не сердилась. Только повторяла: «Неполный ключ учит смотреть, чего не хватает двери».

Тогда это казалось одной из её бессмысленных игр.

Теперь дно сливной чаши откинулось. За ним открылся узкий технический лаз, пахнувший щёлоком и старой пылью.

Колокольцы вошли в раздевальную.

На корзине вспыхнула красная сеть. Женщины вскрикнули и отшатнулись. Мира нырнула в лаз, подтянула крышку и в темноте услышала, как архивный голос произнёс снаружи:

— Обнаружен отделённый фрагмент. Сохраняйте неподвижность.

Стружки в свёртке уже не было.

Перед тем как бросить фартук, Мира спрятала её за щекой.

Стекло холодило язык. Голос Саи больше не звучал, но чужой дождь собирался у Миры под веками. Она поползла по трубе, стараясь не коснуться осколка зубами.

Лаз вывел её за стену архивного комплекса, к каналу для отработанного песка. Вода здесь была серой, берега — скользкими от стеклянной пыли. Над крышами тянулись световые мосты семи хоров. После утренней сверки они должны были погаснуть. Сегодня линия от Главной башни продолжала мерцать, разыскивая потерянный фрагмент.

Мира выплюнула стружку в ладонь.

Кровь на ней исчезла. Внутри снова шёл дождь.

До мастерской Роана Вея было двадцать минут по людным мостам или семь — по нижнему каналу. Мира выбрала канал.

Через пять минут её ботинки наполнились водой. Через шесть она поняла, что запах Рыбного круга идёт не от стружки. Серый поток нёс водоросли, хотя до моря оставались три

шлюза. На стене под мостом виднелась старая разметка: круг, перечёркнутый семью вертикальными линиями.

Она провела пальцами по знаку и тут же отдернула руку. Камень ответил коротким воспоминанием — босая ступня на этой же кладке, только вода чистая и тёплая, а сверху кричат торговцы рыбой.

Не её ступня.

Мира пошла быстрее.

Мастерская Роана занимала помещение бывшей соляной лавки под восточным мостом. Вывески не было. Люди, которым требовался сборщик эха, и так находили дорогу — иногда во сне. Над дверью висели семь пустых колокольчиков с вырезанными язычками.

Мира постучала условным ритмом: два раза как клиент, один как человек, готовый заплатить больше.

— Закрыто, — ответили изнутри.

— У тебя нет часов работы.

— Теперь есть. Сегодня они все закрытые.

По верхней улице прошёл патрульный гонг. Мира подняла кулак, чтобы ударить сильнее, но дверь открылась сама.

Роан Вей был на несколько лет старше неё и выглядел так, будто последние из этих лет провёл, не решив, проснулся ли. Волосы с одной стороны головы он сбрасывал, с другой заплетал в короткие косы. Так эху, по его словам, было труднее убедить отражение в симметрии. На нём висел соляной передник, белый до локтей.

Он посмотрел на мокрые ботинки Миры, порезанную ладонь и свет Главной башни над каналом.

— Нет.

— Ты ещё не видел.

— Именно поэтому могу отказаться бесплатно.

Он начал закрывать дверь. Мира подняла стружку.

Дождь внутри осколка ударил сильнее. Один безязыкий колокольчик над дверью качнулся и издал звук.

Роан поймал дверь прежде, чем она захлопнулась.

— Откуда?

— Юбилейная пластина.

— Тогда моё «нет» стало дороже.

— Назови цену внутри.

— Цену всегда лучше называть на пороге. Человеку проще уйти.

Патрульный гонг прозвучал ближе.

Роан отступил.

В мастерской было прохладнее, чем на улице. Вдоль стен стояли сотни сосудов из мутного стекла. Одни размером с напёрсток, другие с человеческую голову. Каждый был погружён в соль и обвязан нитью определённого цвета. Из ближайшего доносился скрип качелей. В другом кто-то без конца кашлял перед тем, как сказать важное слово.

Мира старалась не смотреть прямо. Эхо замечало внимание.

Роан запер дверь тремя разными ключами и опустил железную штору.

— Ладонь.

— Сначала осколок.

— Ты налила в него кровь. Если не вымыть край, он прочтает нас раньше, чем мы его.

Она протянула руку. Роан промыл порез крепким рассолом. Боль была такая, что Мира ударилась затылком о стену.

— Предупреждать надо.

— Тогда люди успевают придумать, что большее.

Он перевязал ладонь чёрной нитью. Затем взял длинные щипцы и поднёс стружку к свету.

— Кто уже слышал?

— Я.

— Это не ответ.

— Голос моей матери.

— Мёртвой?

— Вычеркнутой.

Роан перестал улыбаться. В Лигате это были разные состояния. У мёртвого человека оставались имя, место в родстве и последствия поступков. Вычеркнутый продолжал жить где-то за пределами общей памяти — если ему повезло, — но город заращивал все связи с ним.

— Что голос сказал?

— «Не возвращай нам одно имя».

— Умная женщина.

— Ты её не знал.

— Поэтому и могу судить только фразу.

Он положил стружку на блюдо с солью. Кристаллы потемнели, сложившись в семь лучей.

Роан тихо выругался.

— Это не эхо.

— Я знаю.

— Нет. Ты надеешься. Знать хуже. Эхо цепляется за человека и повторяет незавершённую возможность. А это — вырезка из связного события. У неё где-то есть место, лица, причина, действие, свидетель, последствия и имя.

— Имени нет. Хор не смог его прочесть.

— Значит, имён несколько. Или каждое из них лжёт недостаточно хорошо.

Роан взял с полки маленький сосуд и поставил над одним из соляных лучей. Внутри мелькнуло лицо мальчика, который смеялся с набитым ртом.

— Убери это.

— Это моё.

— Тем более.

— Было моим, — поправил Роан. — В девять лет я подавился яблоком. Мать помнила, что спасла меня. Отец — что спас сосед. Я помнил только смех. После сверки Хроника выбрала мать, а сосед исчез из сцены. Осталась возможность, где он всё-таки наклонил меня над столом. Теперь она смеётся, когда чувствует спорную причину.

Лицо в сосуде снова мелькнуло и пропало.

— Твой фрагмент ей нравится.

— Ты можешь прочесть его?

— Могу открыть. Читать будешь ты.

— Почему?

— Потому что он уже знает твою кровь и голос, который ты хочешь услышать. Если войду я, он покажет мне то, за что я заплачу. А счёт принесёт тебе.

Мира посмотрела на семь потемневших лучей. Снаружи по мосту прошли быстрые шаги. Железная штора приглушала звук, но не скрывала его от сосудов: несколько нитей на полках натянулись в сторону двери.

— Что тебе нужно?

Роан опёрся ладонями о стол.

— Пустой сосуд Главного хора.

— Таких не бывает.

— Бывают. Один ставят под предохранитель перед каждой столетней сверкой. Он должен принять всё, что Главный хор не сможет согласовать.

— И уничтожается после.

— Если остаётся пустым.

— Если не остаётся, никто не подходит к башне ближе чем на сто шагов.

— Поэтому он мне и нужен.

— Что ты хочешь туда поместить?

Роан взглянул на большое накрытое место в дальнем углу мастерской. Под серой тканью угадывался сосуд размером с человека.

— Цену я назвал.

— А назначение — нет.

— Когда ты сняла стружку с юбилейной пластины, ты спрашивала у неё назначение?

Мира промолчала.

— Вот и я предлагаю тебе такую же честность, — сказал он. — Только мой шов виден заранее.

Пустой сосуд хранился в Главной башне. Даже с допуском юбилейной комиссии до него не добраться без подписи хранителя. У Миры не было ни допуска, ни комиссии, ни уверенности, что через час сохранится её имя в архивных списках.

— Я достану его.

Роан покачал головой.

— Скажи правильно.

— Обещаю достать тебе пустой сосуд Главного хора до столетней сверки.

Один из семи соляных лучей загорелся белым.

— Теперь это услышало стекло, — сказал Роан. — Садись.

Он провёл Миру за занавес в комнату без полок. Посреди пола лежал круг из чёрной соли, разделённый на семь секторов. В центре стоял низкий стул. На стенах не было зеркал, только матовые медные листы с царапинами. Каждая царапина обрывалась, не соединяясь с другой.

— Что делать?

— Вспомнить мать до того, как город объяснил тебе, кем она была.

— Мне было девять, когда её вычеркнули.

— Значит, выбери раннее.

Мира села. Роан закрепил стружку над её лбом на тонкой проволоке.

— Самое обычное, — сказал он. — Не исчезновение. Не последняя встреча. Обычная память хуже защищена, поэтому меньше старается понравиться.

Мира закрыла глаза.

Обычных воспоминаний о Сае почти не осталось. После вычёркивания она пыталась удержать всё сразу: цвет платья, форму ногтей, каждую фразу. Чем сильнее старалась, тем больше сцены становились похожи на пересказ. Мать стояла у окна. Мать резала хлеб. Мать смеялась. Ни одно воспоминание не имело веса.

— Я не могу.

— Можешь. Ты просто ищешь лицо. Найди действие.

Действие.

Мира вспомнила узел.

Сая завязывала ей волосы перед школой. Делала это неловко, слишком туго. Мира сидела на табурете между её коленями и следила, как на полу движется солнечный прямоугольник. Из кухни пахло подгоревшей кашей. Сая держала ленту зубами.

Стружка коснулась кожи.

Солнечный прямоугольник стал ярче. Пол под табуретом накренился, будто дом плыл. Мира почувствовала пальцы матери в волосах — четыре прикосновения, узел, рывок.

— Больно, — сказала маленькая Мира.

— Красота требует терпения, — ответила Сая.

Нет.

Сая никогда так не говорила. Она считала эту фразу оправданием чужой жестокости.

Сцена дрогнула.

Пальцы снова провели по волосам: четыре прикосновения, узел, рывок.

— Больно.

— Тогда распусти.

Вот так она могла сказать.

Маленькая Мира потянулась к ленте, но взрослая удержала её руку.

— Не исправляй, — произнёс голос Роана откуда-то из-за стены. — Смотри, кто выбирает слова.

Солнечный прямоугольник расслоился. В одном Сая стояла у окна. В другом за её спиной была гладкая серая стена. В третьем рук в волосах не существовало, а узел затягивался сам.

Стружка опустилась глубже, прямо в сцену.

Дождь застучал по кухонному окну.

На стекле проступил Рыбный круг. Незнакомая женщина с ключом стояла среди воды и смотрела внутрь комнаты. Теперь у неё было лицо Саи — или память предлагала Мире лицо, которое та хотела увидеть.

— Мама? — спросила маленькая девочка.

Женщина повернулась.

Сая была моложе, чем в памяти Миры. Волосы коротко обрезаются, на виске кровь. Она увидела ребёнка — и на лице появилось выражение, которое Мира всю жизнь считала любовью.

— Эна, — сказала Сая. — Смотри на меня, Эна.

Имя ударило сильнее архивной тревоги.

Мира попыталась встать, но ноги маленькой девочки не доставали до пола. Руки стали детскими. Лента стягивала волосы.

— Я не Эна.

— Не отвечай сцене, — сказал Роан.

— Я не Эна!

Сая шагнула через окно. Вода Рыбного круга хлынула на кухонный пол. Она взяла девочку за лицо обеими руками.

— Ты должна помнить семь вещей. Где мы были. Кто пришёл. Почему закрыли ворота. Что сделали люди. Кто это видел. Что стало потом. Как они нас назовут.

С каждым пунктом кухня менялась. Табурет превращался в каменный столб. Лента — в мокрую верёвку. Подгоревшая каша пахла горелой солью. За спиной Саи поднимались тёмные башни.

— Я не Эна, — повторила Мира, но голос принадлежал не ребёнку. Он шёл из глубины сцены, где кто-то другой уже говорил эти слова.

Сая сжала её лицо сильнее.

— Тогда кем тебе сказали быть?

Стружка раскололась на семь отражений.

Первое показывало Рыбный круг.

Второе — толпу без лиц.

Третье — закрытые ворота.

Четвёртое — руки на рычаге.

Пятое — женщину с разбитым носом.

Шестое — падающую башню.

Седьмое оставалось чёрным.

Из тьмы потянулось слово, но прежде, чем оно обрело звук, Роан ударил медным прутом по полу.

Мира упала со стула.

Комната вернулась рывком. Чёрная соль разлетелась по доскам. Стружка висела над ней, неподвижная и прозрачная.

Миру вырвало водой, хотя она ничего не пила.

Роан перевернул её на бок и дождался, пока она сможет вдохнуть.

— Ты оборвал.

— Оно дошло до имени.

— В этом был смысл.

— Если бы слышала его внутри, ты вышла бы человеком, для которого это имя всегда было правдой. Я собираю эхо, а не создаю верующих.

Мира села, опираясь на стену. Сердце стучало в горле.

— Кто такая Эна?

— Не знаю.

— Сая назвала меня Эной.

— Сая в сцене. Это может быть она, чужая память о ней или способ, которым фрагмент привязывает тебя к себе.

— Я помню этот узел. Кухню. Солнечный свет.

— А фразу о красоте помнишь?

— Нет.

— Но она возникла первой. Память всегда сначала предлагает гладкое. Потом — дорогое.

Роан собрал семь кучек соли. В каждой проступал свой оттенок: серебряный, телесный, жёлтый, синий, белый, бурый и чёрный.

— Семь якорей, — сказал он. — Они не лежат в одной пластине. Фрагмент только знает дорогу к остальным.

— В семи хорах.

— Где же ещё городу прятать то, чего он не должен помнить?

Мира посмотрела на чёрную соль седьмого сектора.

— Если собрать их?

— Получишь событие, способное спорить с Днём Спасения во время общей сверки.

— Утренняя сверка уже прошла.

— Обычная. Через сколько юбилей?

— Двенадцать дней.

Роан кивнул.

— В столетнюю ночь Главный хор не просто исправит свежие расхождения. Он заново проведёт каждую личную память через общественную. Если хочешь вернуть событие, другого окна не будет ещё сто лет.

Снаружи трижды ударили в железную штору.

— Архивная служба! — крикнул голос. — Откройте для проверки несогласованного фрагмента.

Роан взглянул на Миру.

— Они пришли не за мной. Пока.

— Есть другой выход?

— Есть цена другого выхода.

— Сосуд я уже обещала.

— Это цена чтения.

Снова ударили. Несколько сосудов на полках заговорили разом, повторяя слова службы разными голосами. Комната наполнилась эхом приказа: открыть, открыть, открыть.

Роан подошёл к большому сосуду под серой тканью.

— Чтобы нас не нашли, придётся на минуту дать мастерской вспомнить, что здесь никого нет.

— И что она забудет взамен?

— Одного из нас.

— Кого?

Роан снял ткань.

Внутри сосуда стоял человек с его лицом. Только волосы были симметрично острижены, плечи расправлены, глаза ясны. Он улыбнулся Мире так, словно уже знал, какое решение она примет.

— Это, — сказал Роан, — мастерская выберет сама.

Мира услышала, как снаружи вставляют в замок служебный ключ.

— Нет. Выберу я. Пусть забудет меня.

— Тогда не отходи от стружки. Она останется твоим якорем.

Роан открыл сосуд. Его безупречный двойник втянул воздух, и все звуки мастерской обвалились. Полки перестали скрипеть. Соль утратила следы ног. Даже порезанная ладонь Миры на мгновение показалась ей уликой чужого тела.

Дверь распахнулась. Двое архивных служащих вошли, провели поисковыми пластинами по стенам и посмотрели прямо на Миру. Их взгляды скользнули дальше. Комната помнила одного хозяина, и человеческое восприятие послушно заполняло её только Роаном.

— Несогласованный фрагмент привёл сюда, — сказал старший.

— У меня много несогласованных фрагментов. Выберите оттенок.

Пока Роан спорил, Мира держала стружку у сердца и повторяла про себя семь опор. Рыбный круг. Люди без лиц. Закрытые ворота. Руки на рычаге. Женщина-свидетель. Падающая башня. Имя, которого она не услышала.

Служащие проверили сосуды и ушли, предупредив о повторном визите. Когда дверь закрылась, Роан захлопнул большой сосуд. Мастерская вспомнила Миру рывком: под её ногами проявились мокрые следы, на столе — капля крови.

— Двенадцать дней, — сказала она.

Роан разложил перед ней семь полосок бумаги и на каждой нарисовал знак отдельного хора.

— Семь якорей. Шесть человек, если хочешь успеть. И пустой сосуд для меня.

Мира спрятала схему вместе со стружкой.

Она пришла к нему за доказательством, что город солгал о матери. Уходила с худшим знанием: голос Саи мог принадлежать не её воспоминанию, имя Эна — не ей, а ложь держалась не на одной пластине. Она была распределена по всему Лигату так же тщательно, как свет, вода и дыхание.

Над мостом зазвонили юбилейные часы. Двенадцать ударов — по одному на каждый оставшийся день.

Глава 3. Человек, который спас город

К полудню Орен Вальд получил семь объяснений одной ошибки, и каждое было достаточно убедительным, чтобы стать официальным.

Хор Карт утверждал, что юбилейная пластина на миг перепутала Верхнюю площадь с Рыбным кругом. Хор Лиц не находил в сцене ни одного лишнего человека. Хор Причин сообщал о солевом включении. Хор Действий — о неосторожном касании реставратора. Хор Голосов сохранил только приказ мастера Дорна отойти от стола. Хор Долгов требовал взыскать стоимость испорченного стекла с виновной. Главный хор не мог назвать случившееся вообще.

Последнее тревожило Орена больше остальных.

Он стоял в узкой комнате над сердцем Главной башни. Под ногами, за тремя слоями стекла, расходились семь световых жил. Они уходили к архивным башням, а оттуда — в мосты, школы, мастерские и приливные станции. Город казался неподвижным, но в жилах непрерывно текли поправки: забытый адрес возвращался почтальону, верное движение — руке шлюзового мастера, имя умершего — семье, пока это имя ещё разрешалось помнить.

На чёрном столе лежала юбилейная пластина. Кровь с неё смыли. След касания остался.

Орен провёл над ним настроечным кольцом. В стекле вспыхнули короткие движения: тонкая рука, съёмник, стружка, ладонь в крови. Почерк Миры Левен он узнал прежде, чем кольцо выдало номер допуска.

— Повторить с момента вскрытия, — сказал он.

Пластина послушно вернула руку к шву. Съёмник вошёл под позднюю шлифовку. На этом месте запись раздваивалась: одна версия показывала площадь, другая — воду по колено и погасшие башни. Орен не стал смотреть вторую до конца.

— Закрыть нижний слой.

Стекло потемнело.

За спиной открылась дверь. Советник Лосс вошёл без разрешения, зато с тремя свидетелями — именно столько требовалось, чтобы частное распоряжение хранителя превратить в протокол совета. За ним следовали начальница архивной службы Маэр и мастер Дорн. Дорн выглядел так, словно за утро постарел на срок, который должен был отработать его ученик.

— Вы уже установили виновную, — сказал Лосс.

Это не было вопросом.

— Я установил руку.

— Рука прикреплена к Мире Левен.

— Сегодня — да.

Лосс поморщился. Он не любил архивных оговорок. Для него человек либо совершал поступок, либо нет; мысль, что память могла сохранить действие и подменить деятеля, казалась уловкой сословия хранителей.

— Через двенадцать дней юбилей, — сказал он. — Через два часа начнётся первая репетиция. На мостах уже продают листки о сбое. Сотрите её допуск, изымите личные пластины и дайте городу простую причину.

Орен посмотрел на Маэр.

— Что нашли?

— В палате — кровь и след снятой стружки. В мастерской Роана Вея поисковая пластина узнала фрагмент, но человека с ним не обнаружила. Вей утверждает, что ему принесли старое семейное эхо без имени.

— Вы ему поверили?

— Нет.

— Тогда почему повторяете его слова?

Маэр сжала губы.

— Потому что комната их подтверждает.

Орен снова поднял кольцо над пластиной. Место касания отозвалось семью слабыми бликами. Не семью копиями одной памяти — семью направлениями. Кто-то распределил событие между хорами так, чтобы ни один не мог восстановить его в одиночку.

Он видел такую работу лишь раз.

— Мастер Дорн, — сказал Орен, — что именно увидела ваша ученица?

Дорн посмотрел на советника, затем на закрытый нижний слой.

— Она сказала о солевом включении.

— Я спрашиваю не о том, что она сказала.

— Рыбный круг. Людей в воде. Женщину с ключом. Имена.

— Какие?

Дорн ответил не сразу:

— Я не успел прочесть.

Ложь прозвучала тихо и потому особенно ясно. Стены комнаты не повторили её: Главная башня не тратила память на слишком слабые подделки.

— Что прочла Мира?

— Саю Левен.

Лосс ударил ладонью по столу.

— Достаточно. Дочь искажательницы вскрывает юбилейную пластину, крадёт фрагмент и несёт его сборщику эха. Если сейчас не закрыть ей доступ, вы сами проведёте её через наши двери.

Орен посмотрел вниз, туда, где световые жилы расходились по Лигату. Советник был прав. Именно это он и собирался сделать.

Сто лет назад город пережил шторм, затопление нижних кварталов и рождение Хроники. Одиннадцать лет назад он пережил попытку вернуть то, что Хроника отрезала. Второе бедствие было меньше первого только на памятниках.

В протоколах оно называлось аварией приливной синхронизации. Люди помнили, как в течение девяти минут забывали работу собственных рук. Лоцманы переставали читать течение. Каменщики не узнавали раствор. Матери не могли различить среди детей своих, а дети вспоминали по две семьи и бежали в разные стороны. На нижней станции оператор открыл ворота, потому что одна память требовала спасти Рыбный круг, а другая — Верхнюю площадь. Вода не интересовалась, какая версия прошлого справедливее.

Орен тогда закрыл противоречия. Город назвал его спасителем.

Он хранил настоящий счёт в ящике под столом.

— Маэр, останьтесь. Остальные выйдите.

— Я представляю совет, — возразил Лосс.

— Поэтому получите решение, а не способ, которым оно принято.

— Совет требует стирания допуска.

— Совет вправе требовать. Главный хранитель вправе отказать, если требование увеличивает риск для сверки.

Лосс шагнул ближе.

— Вы покрываете дочь Саи?

Орен позволил паузе стать длиннее, чем требовала вежливость.

— Если бы покрывал, вы не смогли бы произнести её имя в этой комнате.

Советник ушёл первым. Дорн задержался у двери.

— Она вернётся? — спросил он.

— Вы хотите, чтобы вернулась?

— Я хочу понять, чему учил её все эти годы.

— Швам, — сказал Орен. — Вы учили её швам.

Когда дверь закрылась, он коснулся замка под столешницей. Выдвинулся плоский ящик. Внутри лежал лист серого стекла, исписанный именами. Не служебными номерами, не итоговой цифрой — именами тех, кого не удалось вернуть после аварии.

Восемьдесят три погибших. Сто семьдесят один человек с утратой навыка. Тридцать четыре семьи, чьи взаимные воспоминания нельзя было соединить без нового разрушения личности. Семь детей, которые продолжали помнить матерей, никогда не существовавших вне эха.

Орен держал список закрытым от Хроники. Не потому, что стыдился потерь. Потому, что общий хор превратил бы их в доказательство. Для одной стороны — необходимости порядка. Для другой — преступления хранителей. Мёртвые снова стали бы инструментом людей, которым повезло остаться живыми.

Маэр читала имена молча.

— Я думала, список уничтожен.

— Официальный — да.

— Почему показываете мне?

— Чтобы мой приказ не выглядел милосердием.

Он вынул из ящика вторую пластину. На ней были записаны последние девять минут аварии: не образы, а движения систем. Семь линий сходились, расходились и обрывались. Возле каждого обрыва стояло имя.

— Мира уже прикоснулась к распределённому событию, — сказал Орен. — Если стереть допуск сейчас, она исчезнет из служебной памяти, но останется связана с фрагментом. Мы потеряем её маршрут.

— Арестовать.

— И поместить куда? В камеру со стеклянными стенами? В подвал без стекла, где её фрагмент начнёт заполнять пустоту? Она выбрала Роана Вея не случайно. Он умеет прятать человека не от глаз, а от памяти места.

— Тогда что вы предлагаете?

— Дать ей двери.

Маэр поняла сразу.

— Юбилейная комиссия.

— Младшая реставраторка получит временный доступ ко всем семи хорам. Каждый вход оставит след. Каждый инструмент будет знать её руку. Если она ищет якоря, она покажет нам порядок.

— А если успеет прежде, чем мы поймём?

Орен положил ладонь на список погибших.

— Тогда я остановлю её там же, где остановил Саю.

Имя вызвало в пластине едва заметную дрожь.

Маэр посмотрела на него внимательнее.

— Совет знает, что вы были знакомы?

— Совет знает версию, которая нужна совету.

— А Мира?

— Она считает, что я вычеркнул её мать.

— Разве нет?

Орен задвинул ящик.

— Найдите Миру Левен. Не задерживайте. Передайте назначение и знак комиссии. Скажите, что отказ будет считаться признанием несанкционированного изъятия.

— Она поймёт, что это поводок.

— Конечно. Поэтому возьмёт его в руки и решит, что держит другой конец.

Маэр ушла. Орен остался один над светящимися жилами города.

Он открыл нижний слой юбилейной пластины.

Рыбный круг возник не сразу. Сперва пришёл дождь, затем вода у каменных лотков, затем крик о нижних шлюзах. Фигуры собирались из бликов. Женщина с разбитым носом держала половину медного ключа. За ней стояла Сая — моложе, чем Орен помнил её в последние дни, и старше, чем её должна была помнить дочь.

Память заметила зрителя. Сая повернула голову.

— Не возвращай нам одно имя, — сказала она.

Орен закрыл слой прежде, чем сцена предложила продолжение.

Фраза была новой. Одиннадцать лет назад Сая говорила обратное. Она требовала назвать случившееся единственным словом, достаточно сильным, чтобы оно прошло через семь хоров. Ради этого они и начали раскрытие. Ради этого Орен подписал первый допуск.

Он достал из шкафа закрытую пластину аварии. Её нельзя было открыть голосом или служебным кольцом. Замок принимал две половины решения: подпись того, кто разрешил опыт, и подпись того, кто остановил его.

Орен приложил палец к нижнему углу.

Под стеклом вспыхнуло: **ОРЕН ВАЛЬД.**

Вторая строка должна была оставаться пустой. После вычёркивания Саи Хроника сняла её имя с договоров, допусков и общих воспоминаний. Орен много лет открывал эту пластину один, убеждая себя, что именно одиночество было ценой власти.

Сегодня под его подписью проступили буквы.

САЯ ЛЕВЕН.

Не рядом с разрешением. Рядом с остановкой.

Орен не шевельнулся. Если запись была подлинной, Сая помогла ему закрыть раскрытые памяти. Если ложной — кто-то умел вносить имена в пластину, запечатанную самим Главным хором. Оба ответа делали Миру опаснее, чем думал совет.

По мостам ударили часы. Начиналась репетиция юбилейного маршрута.

Внизу одна из семи жил вспыхнула серебром: временный знак комиссии нашёл новую владелицу.

Мира приняла назначение.

Орен смотрел на две подписи, пока стекло между ними не провело тонкий янтарный шов.

Глава 4. Шесть причин солгать

Знак юбилейной комиссии открыл Мире семь дверей и закрыл все остальные.

Стоило приложить серебряный ромб к архивному замку, как стекло услужливо называло её новой должностью, временем входа и именем хранителя, разрешившего доступ. Орен дал ей не ключ, а колокольчик. Каждый поворот теперь звенел у него в башне.

Поэтому Мира назначила встречу там, где дверей не было.

Под старым канатным двором, между опорами восточного моста, сохранился сухой водосборник. Когда-то сюда стекала дождевая вода с верфей. Теперь желоба отвели к новым цистернам, а круглый зал остался под городом, как забытая чаша. Стены были сложены из камня, потолок — из почерневших балок. Ни одного стеклянного осколка, способного донести разговор до Хроники.

Роан пришёл первым и сразу проверил, чем Мира закупорила слив.

— Пакля, воск и соль, — сказал он. — От воды защитит. От плохих решений — нет.

— Для них я позвала тебя.

— Тогда следовало звать кого-нибудь полезнее.

Он поставил на перевёрнутый водомер узкий соляной сосуд. Обещанная стружка лежала внутри, завернутая в чёрную ткань. Роан не выпускал её из своей мастерской без трёх оболочек, но сегодня согласился. Цена согласия была прежней: пустой сосуд Главного хора.

Мира зажгла две масляные чаши. Одной было бы достаточно, но в одном свете лица казались слишком похожими.

Терен Аш спустился по лестнице тяжело, боком, будто нёс на плече невидимую стеклянную плиту. Он был самым старшим из приглашённых и единственным, кто не спросил в записке, зачем его зовут. Только велел Мире не приносить эхо. Увидев сосуд, остановился на последней ступени.

— Я же написал.

— Это фрагмент, а не эхо.

— Так говорят до первого крика из чужого детства.

На его правой руке не хватало двух ногтей. Пальцы всё равно постукивали по перилам точную последовательность настройки хора: коротко, коротко, длинно, пауза. Мира слышала этот ритм в реставрационных палатах. Так мастера проверяли внутреннее напряжение стекла.

— Если уйдёте сейчас, — сказала она, — завтра Хор Карт откроют без человека, который слышит трещину раньше хора.

Терен убрал руку с перил.

— Я не спрашивал, что откроют.

— Но остались.

Следом появилась Ная Ресс. Она не спускалась, а пересчитывала ступени, касаясь каждого носком. На шее у неё висел медный круг приливной службы, испещрённый насечками. Увидев Миру, Ная посмотрела сперва на её сапоги, затем на руки и только потом в лицо.

— Архивистка, которая назначает встречу в водосборнике, либо умнее своих начальников, либо служит им приманкой.

— Как различить?

— Умная знает, на какой отметке нас затопит.

— Вода поднимется до третьего камня через два часа и уйдёт к утру.

Ная присела у стены, проверила влажный ободок и кивнула.

— Значит, пока умная.

Кел Норд заставил ждать себя достаточно долго, чтобы ожидание стало частью появления. Он пришёл в белом плаще героя Дня Спасения, с золотой застёжкой у горла и размазан-

ной по виску праздничной краской. Завтра он должен был вести юбилейную репетицию через семь башен. Сегодня, судя по запаху пыли и горячего металла, сбежал прямо со сцены.

— У меня семь минут, — объявил он. — После восьмой меня начнут искать. После десятой найдут. После двенадцатой сделают вид, что я всё это время репетировал в другом месте.

— Последнее звучит полезно, — заметил Роан.

— Для человека твоего ремесла — наверняка.

Илва Сен пришла без шума. Никакого служебного знака при ней не было, но все разом замолчали. Именницы совета редко нуждались в обозначениях: их узнавали по привычке слушать окончания слов. Илва остановилась между огнями. На её сером воротнике темнели три узелка — право составлять договор, запрещать имя и отзываться запрет.

— Мира Левен, — произнесла она. — Ваше назначение в комиссию не позволяет собирать её членов вне утверждённого помещения.

— Вы ещё не член.

— Тогда нарушение серьёзнее.

Последним спустился человек, которого Мира не приглашала.

Он был молод, мокр от дождя и держал в руках корзину с шестью глиняными кружками. Не говоря ни слова, поставил её у лестницы, получил от Кела монету и ушёл.

— Шесть кружек, — сказал Кел. — Теперь хотя бы ясно, что лишнего места за столом не предусмотрено.

Никто не засмеялся.

Они собрались в круге света: настройщик, картографка, актёр, именница, сборщик эха и младшая реставраторка, которую утром должны были лишить допуска. Ни дружбы, ни общего долга между ними не было. Только разные виды доступа и достаточно причин не доверять остальным.

Мира положила знак комиссии рядом с сосудом.

— Через двенадцать дней Главный хор проведёт столетнюю сверку. В этот момент семь башен соединят город одной сценой Дня Спасения. Я собираюсь заменить эту сцену.

Кел посмотрел на неё с искренним профессиональным раздражением.

— Целиком? Ты хоть представляешь, сколько репетиций для этого требуется?

— Семь компонентов. Место, участники, причина, действие, свидетель, последствие и имя. По одному в каждом хоре.

Терен развернулся к лестнице.

— Нет.

— Вы ещё не видели.

— Мне не нужно видеть огонь, чтобы не класть в него руку.

— Вы уже клали.

Терен остановился.

Мира не знала, что именно он потерял при прежней аварии. В записях его имя стояло среди ста семидесяти одного мастера, лишившихся навыка, но руки Терена помнили стекло лучше большинства целых людей. Рядом с графой семьи была пустота, аккуратная и потому подозрительная.

— Кто тебе сказал? — спросил он.

— Ваши пальцы. Вы проверяете напряжение колыбельной.

Тишина после этих слов была не общей. Каждый молчал по своей причине.

Терен медленно вернулся к кругу.

— Если в сосуде заговорит ребёнок, я разобью его.

— Если разобьёте, — сказал Роан, — ребёнок заговорит в каждом из нас.

— Тогда первым разобью тебя.

— Вот теперь у встречи появился порядок.

Мира сняла с сосуда чёрную ткань. Под ней лежал кусок стекла величиной с ноготь. В тусклом свете он казался простым, но стоило поднести знак комиссии, внутри возникла тонкая янтарная линия. Семь ответвлений потянулись в разные стороны и упёрлись в стенки сосуда.

Илва подняла ладонь.

— До открытия вы обязаны назвать происхождение фрагмента.

— С юбилейной пластины.

— Получен законно?

— Нет.

— Проверен Главным архивом?

— Его ищет Главный архив.

— Тогда любой образ может быть наведённым.

— Поэтому увидим его вместе.

Ная фыркнула.

— Прекрасный способ разделить одну ошибку на шестерых.

— Именно, — сказала Мира. — Если фрагмент покажет каждому разное, мы узнаем, к чему он пришит. Если одно и то же — получим сцену, которую можно проверить.

— А если он пришлёт нас друг к другу? — спросил Кел.

Роан впервые перестал улыбаться.

— Тогда вы будете помнить этих людей дольше, чем хотели.

Мира коснулась сосуда знаком комиссии. Серебряный ромб вспыхнул. Соль на стенках потемнела, словно впитала воду.

Сначала пришёл дождь.

Он не падал в водосборник — он вспоминался камнем. По сухим стенам заструились отражения Рыбного круга. Появились низкие дома, мостки, вода по колено. Люди бежали к верхним лестницам, но решётки были закрыты. Над ними семь башен мерцали глухо, не узнавая нижний квартал.

Женщина с разбитым носом держала половину медного ключа.

За её спиной стояла Сая Левен.

Мира знала лицо матери не по портретам — портреты изъяли, — а по тому, как оно собиралось в частных привычках: изгиб брови в зеркале, движение чужой руки у её волос, полузабытый смешок в пустой кухне. Теперь Сая была цельной и смотрела не на Миру.

— Не закрывайте нижние шлюзы, — сказала женщина с ключом.

Сая повернулась к кому-то за пределами сцены.

— Запомни место. Остальное у нас отнимут.

Ная резко вдохнула.

В отражении Рыбного круга проступила улица. Узкая, с тремя изломами и лестницей прямо в воду. Мира никогда её не видела, но Ная шагнула вперёд, будто узнала собственную дверь.

— Ложь, — сказала она. — Там складская стена.

Однако её пальцы уже чертили маршрут на мокром камне: поворот, мостки, лестница, шлюз.

Для Кела сцена изменилась иначе. Толпа расступилась, и на месте женщины с ключом оказался бронзовый герой в белом плаще. Тот самый, которого Кел играл на площади. Только герой стоял спиной к башням и ломал печать на нижнем шлюзе.

Кел машинально повторил его жест. Правая рука поднялась к невидимой цепи, левая прикрыла лицо от удара. Движение было точнее, чем в юбилейном спектакле.

— Так нельзя, — прошептал он. — По хронике он подаёт сигнал закрыть ворота.

— А тело помнит обратное, — сказал Терен.

Сам он смотрел в пустое место рядом с Сасей. Там не было ребёнка, но его пальцы снова выбивали ритм. Теперь Мира услышала мелодию целиком: четыре ноты, последняя повторялась, успокаивая. В памяти Терена кто-то невидимый отвечал тонким голосом. Он стиснул руку в кулак, однако песня продолжилась внутри стекла.

Роану Рыбный круг показал человека, похожего на него. Не эхо из большого сосуда — этот был старше, с ожогом на щеке и связкой пустых соляных колб на поясе. Он вытаскивал из воды чужие воспоминания и отдавал их людям, не спрашивая цену. Роан отступил, задел водомер и впервые испугался не фрагмента, а собственной надежды.

Илва ничего не увидела.

Она услышала имя.

Оно прошло под шумом дождя, слишком тихо для остальных. Илва побледнела и прижала два пальца к узелку на воротнике. В ответ на этот жест Сая повернула голову прямо к ней.

— Ты оставила проход, — сказала она.

Сцена дрогнула.

Илва отдернула руку, и на миг над её воротником вспыхнула строка старого указа. Большая часть слов исчезла, но Мира успела прочесть окончание: «...кроме имени, добровольно принятого живым свидетелем».

Потом фрагмент нашёл её саму.

Мира снова оказалась маленькой. Сая затягивала ей волосы медной нитью, но лицо девочки отражалось в тёмной воде иначе. Чужой подбородок. Родинка у губы. Имя Эна, произнесённое с нежностью, которая принадлежала не Мире.

Она хотела закрыть сосуд. Не смогла. В отражении за спиной Саи стояли все пятеро приглашённых — моложе, старше или вовсе другими людьми. Шов проходил через их жизни задолго до сегодняшней встречи.

— Не возвращай нам одно имя, — сказала Сая.

Роан накрыл сосуд тканью. Рыбный круг исчез, но вода ещё несколько мгновений блесла на сухих стенах.

Первым заговорил Терен:

— Ты назвала это подавленным восстанием. Во фрагменте никто не восставал.

Мира посмотрела на свои руки. Порез на ладони снова открылся; кровь выступила тонкой линией, повторяя янтарный шов.

— В официальной Хронике нижний квартал попытался открыть шлюзы во время внешнего шторма. Город спас приказ закрыть их. Людей, которые сопротивлялись, называли предателями. Здесь приказ идёт сверху, а человек, которого мы чествуем, ломает печать. Если это не восстание, власть очень старалась, чтобы мы не нашли другого слова.

— «Если», — сказала Илва. — Ты хочешь вложить в город имя, которого нет даже во фрагменте.

— Хочу вернуть событие.

— Нет. Ты хочешь вернуть мать.

Мира выдержала её взгляд.

— Да.

Признание оказалось страшнее приготовленной речи. Она могла бы сказать о справедливости, долге погибшим, праве города на правду. Всё это было верно и потому удобно. Но Сая стояла в центре каждого её довода.

— Я хочу, чтобы Лигат помнил восстание, — продолжила Мира. — Хочу вернуть имя Саи из списка предателей. И не знаю, была ли девочка в её памяти мной. Если вы согласитесь, я проведу нас через семь хоров. Если нет — уйдёте сейчас, и я найду других.

— Других не найдёшь, — сказала Ная. — Найдёшь людей с похожими должностями. Это не одно и то же.

— Поэтому вы здесь.

Кел снял золотую застёжку героя и положил рядом со знаком комиссии.

— Допустим, я помогу. После подмены весь город вспомнит, что человек, которого я играл пять лет, сделал противоположное. Моя слава исчезнет.

— Может быть.

— Профессия тоже.

— Может быть.

— Наконец-то честные условия, — сказал он. — Обычно совет обещает артисту бессмертие, а потом забывает вписать оплату.

Ная не улыбнулась.

— Мой брат погиб в приливном квартале одиннадцать лет назад. В официальной памяти Орен успел остановить воду. В моей — опоздал. Если ты сорвёшь навыки шлюзов, погибнут люди, которым всё равно, как называлась площадь сто лет назад.

— Ты будешь считать окна и держать шлюзы.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Ная провела ногтем по медному кругу на шее.

— Тогда моя причина — не верить тебе достаточно близко, чтобы успеть остановить.

— Принимаю.

— Не спеши, — сказал Терен. — Она ещё не согласилась.

— Согласилась, — ответила Ная. — Просто архивисты привыкли, что согласие звучит как поклон.

Роан постучал по сосуду.

— Моя цена не изменилась. Пустая колба Главного хора. Та, что удерживает общественное имя до сверки.

— Зачем? — спросил Кел.

— Чтобы однажды поместить туда память, которая пока не имеет права быть человеком. Мира вспомнила большую фигуру в его мастерской — жизнь, которой Роан не прожил.

— Получишь сосуд после шестого хора, — сказала она. — Раньше он нам нужен.

— После пятого.

— После шестого.

— Тогда я оставляю за собой право лгать вам один раз.

— Ты и без договора его оставишь.

— Но теперь это будет честная ложь.

Терен покачал головой.

— Вы торгуетесь предметом, который может разорвать человека пополам.

— Поэтому нужен тот, кто не даст стеклу треснуть, — сказала Мира.

Он долго смотрел на накрытый фрагмент.

— Я не верну ребёнка, которого не помню, — произнёс он. — И не позволю вашему шву придумать её заново. Моя причина быть рядом — разбить настройку, если услышу её голос из общего хора.

Осталась Илва.

Она подняла золотую застёжку Кела, перевернула и прочла служебную надпись на обороте. Затем положила на место.

— Шесть человек не могут заключить законный договор о вмешательстве в Хронику.

— А незаконный? — спросил Кел.

— Незаконный договор не удержит допуски у семи разных башен. Но существует пробная клятва для юбилейных комиссий. Она связывает разрешения на одни сутки, чтобы прове-

ритель совместимость группы. Если один участник отзовёт согласие или не явится к первому входу, доступ обнулится у всех.

— Совет увидит связь? — спросила Мира.

— Совет увидит обычную проверку состава. Орен увидит, кого ты выбрала.

— Он и так увидит.

— Не всех. Моё имя можно внести как составителя, не как участника.

Мира поняла, что Илва уже выбрала сторону — или место, с которого удобнее наблюдать обе.

— Что вы слышали во фрагменте?

Илва коснулась нижнего узелка на воротнике.

— Причину, по которой однажды солгала в указе.

— Какую?

— Если расскажу, она станет вашей причиной. Мне пока нужна своя.

Она вынула из рукава катушку прозрачной нити. Не стеклянной — из вытянутой рыбьей кости, которую Хроника не слышала. Раздала каждому по отрезку и велела обвязать вокруг рабочего пальца: Мире — вокруг указательного, Терену и Роану — вокруг большого, Нае — вокруг среднего. Кел хотел выбрать мизинец ради красоты, но Илва заставила его использовать безымянный. Себе связала запястье.

— Назовите не цель, — сказала она, — а условие выхода. Клятва должна знать, когда перестать держать вас.

Ная сказала:

— Выйду, если расчёт покажет неизбежную гибель нижних кварталов.

Терен:

— Выйду, если общий хор заговорит голосом ребёнка, которого предлагает мне помнить.

Кел:

— Выйду, если меня заставят свидетельствовать сцену, которой я сам не могу поверить.

Роан:

— Выйду, если кто-либо потребует уничтожить эхо только за то, что оно не стало правдой.

Илва:

— Выйду, если новое имя запретит существование старого.

Настала очередь Миры.

Она заранее готовила другое условие: выйти, если имя Саи окажется подделкой. Теперь оно звучало как попытка защитить лишь собственную ставку.

— Выйду, — сказала она, — если для возвращения восстания потребуется лишить людей права помнить День Спасения.

Илва взглянула на неё пристально.

— Клятва слышит точные слова. Она не проверяет, веришь ли ты им.

— Поэтому я их и сказала.

Шесть нитей натянулись одновременно. На миг палыцы связало холодом, затем узлы исчезли под кожей, оставив бледные линии. Знак комиссии на водомере расколол свет на шесть долей. Допуск Миры перестал принадлежать только ей.

Одиночная кража стала общей — и от этого не сделалась честнее.

Наверху по мосту прошёл тяжёлый вагон. С балок посыпалась пыль. В боковом желобе появилась первая вода и поднялась до нижнего камня точно по расчёту Наи.

— Восемь минут, — сказал Кел. — Меня уже ищут.

— Пусть найдут на репетиции, — ответила Илва.

Она развязала верхний узелок воротника. Из него выпала узкая служебная полоска с расписанием башен.

— Совет изменил порядок доступа час назад. Хоры закроют на внутреннюю подготовку до самого юбилея. Все, кроме одного.

Мира развернула полоску.

Напротив Хора Карт стояла единственная серебряная отметка.

— Завтра, — сказала Илва. — Во время репетиции юбилейного маршрута башню откроют ровно на сорок семь минут. Если нам нужно место, другого входа не будет.

Ная уже чертила на мокром камне улицу, которой, по её словам, не существовало.

Глава 5. Репетиция кражи

Ная не доверяла картам, которые не пахли водой.

Настоящая карта Лигата всегда немного портилась к утру: соль выступала на сгибах, чернила расплывались у нижних лестниц, вчерашний безопасный проход оказывался по колено в приливе. Лист, который она держала сейчас, был сухим и безупречным. На нём Хор Карт стоял в центре серебряной паутины, а Рыбного круга не существовало.

Зато он существовал у неё в голове.

Улица начиналась за лавкой канатчика, дважды ломалась между домами и спускалась к воде лестницей из девяти ступеней. Ная помнила зелёную дверь на третьем повороте. Помнила, как Орен — нет, Орен там никогда не бывал, — как Оренов городской герой тащил по мосткам цепь. Помнила запах варёных ракушек из окна дома, которого не было.

Она сложила казённую карту так, чтобы не видеть пустое место.

— Сорок три минуты, — сказала Ная.

— Нам обещали сорок семь, — возразил Кел.

Он пришёл в сером плаще без золотой застёжки, но всё равно выглядел человеком, которому через минуту должны подать свет. Даже в служебном проходе под праздничной трибуной Кел умудрялся стоять лицом к невидимой публике.

— Четыре минуты я не отдам обещаниям Илвы. Две — на то, что праздничный марш задержит смену караула. Одну — на твоё отражение в каждом окне. Ещё одну — потому что Мира наверняка потрогает то, что трогать нельзя.

— Я умею не трогать, — сказала Мира.

— Она так говорит с порезанной рукой, — заметил Роан.

Терен ничего не сказал. Он проверял ремни на плоском ящике с настроенными вилками и делал это уже третий раз. Илва стояла ближе всех к решётке, отделявшей служебный ход от улицы. Прозрачная нить пробной клятвы скрылась под кожей её запястья, но у остальных бледные линии на пальцах вспыхивали всякий раз, когда кто-нибудь приближался к выходу.

Шестеро ещё могли разойтись. Для этого одному достаточно было сказать «нет» и сделать шаг назад.

Ная посмотрела на решётку.

За ней Лигат репетировал собственную память.

По Верхней площади шли статисты в белых плащах. Они несли семь пустых рам — будущие изображения башен — и по команде постановщика поворачивали их к Хору Карт. Дети из училища размахивали серебряными лентами, изображая спасённую воду. На мостовой мелом были отмечены места для ветеранов, хотя последнему живому свидетелю Дня Спасения исполнилось бы сто двенадцать.

— Когда третий барабан замолчит, — сказала Ная, — откроют западный слив. Толпа уйдёт на верхнюю дугу. Мы пересекаем площадь под рамами, спускаемся к служебному входу и проверяем окно. Никаких фрагментов. Никаких попыток подмены. Сегодня мы крадём только путь.

Мира кивнула слишком быстро.

— Повтори, — потребовала Ная.

— Не открывать фрагмент, не касаться узлов Хора, не менять карту.

— И?

— Слушаться тебя в приливных переходах.

— Особенно там.

Первый барабан ударил с башни Лиц. Статисты подняли рамы. Второй звук пришёл снизу — вода толкнула заслонки под площадью. Ная почувствовала его пятками раньше, чем услышала.

Третий барабан не замолчал.

Он сбился.

После положенных четырёх ударов прозвучал пятый, короткий. Серебряные ленты взметнулись не в ту сторону. Постановщик закричал, дети остановились, а рама, изображавшая Хор Причин, зацепила край трибуны. Поток зрителей вместо верхней дуги хлынул к западному проходу — прямо туда, где ждала команда.

— Репетиция закончилась, — тихо сказал Терен.

— Нет, — ответила Ная. — Просто перестала притворяться планом.

Она открыла боковую дверцу, ведущую под трибуну.

— Там тупик, — сказала Илва.

— На карте — да.

Под настилом пахло мокрой пенькой и старой известью. Они шли согнувшись между подпорками, пока шум площади не стал глухим. В конце прохода стояла кирпичная стена. Ная знала это место: за стеной должна была начинаться улица с зелёной дверью.

В кирпичах не было двери. Только ряд светлых заплат и медная водосточная труба.

— Отличный путь, — сказал Роан. — Особенно последняя стена.

Ная приложила ладонь к трубе. Вода внутри шла вниз, хотя западный слив только что открыли и поток должен был тянуть к морю. Она постучала костяшками. Пустота отозвалась правее.

— Кел,ними плащ.

— Обычно сначала ужинают.

— Тогда останься здесь и поужинай кирпичом.

Он всё же снял плащ. Под ним оказался белый костюм героя — репетиционный, без вышивки, но слишком заметный даже в полутьме.

Ная обмотала плащом трубу и потянула. Та не поддавалась. Терен без просьбы поставил ящик, достал короткую вилку и ударил ею по меди. Труба загудела. В стене дрогнул один из светлых кирпичей.

— Не кладка, — сказал он. — Памятный раствор. Он держит не вес, а ожидание стены.

Роан наклонился к заплате, не касаясь.

— Здесь долго убеждали людей, что прохода нет. Убедили даже камень.

— Камень не помнит, — сказала Илва.

— Поэтому сопротивляется хуже человека.

Мира подняла знак комиссии. Серебряный ромб на миг осветил раствор. Между кирпичами проступил контур узкой двери.

— Не менять карту, — напомнила Ная.

— Я только показала допуск.

— Стене?

— Она первая спросила.

Ная ухватила за трубу вместе с Келом. Терен снова ударил вилкой, и в тот же миг Роан открыл пустую соляную колбу. Из неё выдохнуло отсутствие: не холод и не тьма, а короткое сомнение в том, что стена когда-либо была сплошной. Кирпичная заплатка качнулась внутрь.

За ней начиналась улица.

Не такая, как в памяти. Уже. Ниже. Дома с обеих сторон были срезаны поздними фундаментами, и над головой вместо неба тянулись балки праздничной площади. Но первый поворот уходил вправо. Второй — влево. На третьем темнела зелёная дверь.

Ная не заметила, что пошла первой.

Под подошвой хрустела ракушка. Вода лежала тонкой плёнкой, хотя на официальной схеме под площадью не было ни канала, ни стока. Стены хранили выцветшие номера домов: двенадцать, четырнадцать, затем сразу двадцать два. Пропущенные здания не снесли — их исключили из счёта.

— Сколько времени? — спросила Мира.

— Тридцать восемь минут.

На самом деле прошло семь. Ная отняла ещё две за то, что улица смотрела на неё знакомыми окнами.

У зелёной двери остановился Кел.

До этого он шутил вполголоса, придерживал ящик Терена на поворотах и один раз поклонился каменному водомеру. Теперь его лицо опустело.

— Здесь жили Леты, — сказал он.

— Кто? — спросила Мира.

Кел провёл пальцами по облупленной краске.

— Моя семья.

— Твоя фамилия Аст, — сказала Илва.

— Я знаю свою фамилию.

Он толкнул дверь. Она открылась без скрипа.

За ней была комната шириной в три шага. Потолок обрушился, пол уходил под соседний фундамент. На стене сохранился голубой прямоугольник, где когда-то висела картина. Кел вошёл и уверенно повернул туда, где не было продолжения.

— Кухня сзади, — сказал он. — Мать ставит чашки вверх дном, потому что с башни сыплется стеклянная пыль. У окна спит Тав. Не наступите ему на хвост.

— Кто такой Тав? — спросил Роан.

Кел посмотрел вниз. На мокром камне не было ни животного, ни подстилки.

— Собака.

Он улыбнулся. Это была не его сценическая улыбка: один угол рта поднялся раньше другого, неловко и по-детски.

— Она крадёт рыбу у Наинной матери.

Ная схватила его за плечо.

— Ты не знал мою мать.

— Знал. Она ругалась так, что вода отходила от лестницы.

Перед глазами Наи возникла женщина с закатанными рукавами — не её мать, совсем другое лицо, — и всё же сердце узнало движение рук. Прозрачная линия под средним пальцем обожгла кожу. Клятва удерживала общий допуск, а исчезнувшая улица уже предлагала им общую жизнь.

— Выводи его, — сказала Илва.

— Куда? — спросил Терен. — За дверью то же поле.

Кел шагнул к разрушенной стене.

— Отец ждёт во дворе.

За стеной был провал между фундаментами.

Ная дёрнула его назад. Край осыпался, камни упали в воду далеко внизу. Кел ударил её локтем — не как актёр, а коротко и умело. Вырвался.

Терен ударил вилкой по дверной петле.

Звук был тонким, почти неслышным. Кел застыл. Его глаза двигались, будто он следил за комнатой, которая накладывалась на развалины.

— Не ломай, — прошептал он. — Отец сам починит.

— Назови роль, — приказал Терен.

— Что?

— Роль, которую играешь завтра.

— Спаситель Лигата.

— Первый выход.

Кел моргнул.

— Верхняя площадь. Белый плащ. Печать на правой руке.

— Последняя реплика.

— «Город помнит тех, кто удержал ворота».

Его лицо исказилось, словно реплика оказалась горькой. Потом он увидел пальцы Наи на своём плече.

— Ты меня душишь.

— Плечом?

— У тебя талант.

Чужая улыбка исчезла. Вернулась привычная — своевременная и красивая.

— Где мы?

— В доме Летов, — сказал Роан.

— Не смешно.

— Поэтому и правда.

Илва подняла служебный водомер. На его стекле бежала серебряная полоса.

— Пятьдесят восемь секунд. Столько он удерживал постороннее родство.

— Я помнил собаку, — сказал Кел.

— Ты собирался шагнуть к отцу, — ответила Ная.

Он посмотрел на провал и больше не улыбался.

— Тогда запишите: в настоящем плане я не вхожу в чужие двери.

— В настоящем плане чужие двери сами войдут в тебя, — сказал Роан.

Мира присела у голубого прямоугольника. Под отслоившейся краской шли две насечки: старая, выцарапанная гвоздём, и новая, ровная, архивная. Новая перечёркивала номер дома.

— Улицу не затопило, — сказала она. — Её накрыли площадью после того, как исключили из карт.

Ная знала это и до слов. Вода здесь не была морской. Она стекала со швов верхней мостовой, собиралась в старых желобах и находила дорогу, которую люди забыли.

— Физический город не проходил сверку, — сказал Терен. — Ему просто построили новую версию поверх старой.

— Значит, до Хора Карт есть нижний вход, — сказала Мира.

— Значит, мы возвращаемся, — отрезала Ная.

— Мы ещё не измерили окно.

— Измерили. За девять минут улица вложила Келу семью, а мне — мать с чужим лицом.

На сорок третьей минуте мы либо забудем, зачем пришли, либо решим, что всегда здесь жили.

Она ждала спора. Вместо этого Мира убрала знак комиссии.

— Веди обратно.

Ная почти поверила ей. Потом снизу донёсся удар воды.

Один. Пауза. Ещё два.

Не беспорядочный плеск. Сигнал шлюзов.

Ная опустила на колено и приложила пальцы к полу. Поток шёл под улицей к Хору Карт. Западный слив не мог давать такой ритм: его створки открывались вместе. Здесь двигалась отдельная заслонка, маленькая и старая.

— Что ты слышишь? — спросила Мира.

— Кто-то оставил воде обход.

Девятая ступень лестницы из памяти была скрыта под известковым наростом. Ная сбила его рукоятью ножа. Под ним показалось железное кольцо. Они тянули втроём — Ная, Мира и Терен, — пока плита не поднялась на ширину ладони. Из щели ударил тёплый солёный воздух.

Внизу уходили ступени.

— Тридцать одна минута, — сказала Ная.

— Теперь честных? — спросил Кел.

— Теперь последних.

Они спустились. Терен оставил вилку между плитой и рамой, чтобы улица не успела снова стать сплошной. Подземный ход был слишком низок для Кела и слишком узок для ящика. По стенам тянулись семь медных жил, сходящихся к основанию башни. Каждая была помечена знаком участка, но обозначение Рыбного круга соскоблили.

В конце стояла кирпичная перемычка, влажная по краям. За ней гудело стекло Хора Карт. Серебряный свет проходил через раствор, и на мгновение Ная увидела тысячи улиц Лигата — разрешённых, названных, ежедневно подтверждаемых.

Рядом с перемычкой темнело колесо старого шлюза.

Его замуровали наполовину. Спицы входили в кладку, цепь была обрезана, но вода продолжала толкать створку с другой стороны. На ободке сохранились рабочие метки: даты смазки, глубина прилива, инициалы мастеров.

Ная подняла лампу.

Возле втулки кто-то выбил маленькую рыбью кость.

Так Орен метил свои инструменты с двенадцати лет, когда решил, что полное имя приносит несчастье. Рыбья кость на ключе, на медном круге, который Ная носила на шее, на внутренней стороне его рабочего ножа. После гибели брата ей отдали только круг и пустой пояс. Тело вода не вернула.

Ниже знака стояла дата.

Одиннадцать лет назад. За два дня до аварии, в которой Орен якобы не успел остановить воду.

Ная коснулась насечки. Металл был гладким от чужих рук — шлюзом пользовались и после официального закрытия.

— Это метка моего брата, — сказала она.

Мира приблизила лампу, но не задала вопроса.

За кладкой Хор Карт начал репетиционную сверку. Свет прошёл по медным жилам, и замурованное колесо дрогнуло под пальцами Наи, будто Орен с другой стороны только что взялся за него вместе с ней.

Глава 6. Первая подмена: место

Ная не убрала руку с метки брата, когда за стеной погасла последняя улица.

Хор Карт закончил репетиционную сверку. Серебряные жилы в тоннеле потемнели, но замурованное колесо продолжало толкаться ей в ладонь — ровно настолько, чтобы человек по эту сторону помнил: вода по ту сторону тоже умеет ждать.

— Нам пора, — сказала Илва. — Допуск закроется через четыре минуты.

— Здесь есть обход. Орен нашёл.

Ная провела ногтем по рыбьей кости. Инициалы сбили, но рабочую насечку она узнала: короткий хвост, три ребра, одно нарочно кривое. Брат говорил, что без ошибки знак превращается в герб, а мастер — в чиновника.

Терен посветил вдоль обода. Под известью обнаружили две риски: крайнее положение створки и положение на две ладони раньше.

— Шлюз не закрывали полностью, — сказал он. — Оставляли щель.

Ная прижала ухо к кладке. Вода разделялась, сбегала по узким желобам и снова сходилась. Так звучат служебные тоннели, когда главный канал перекрыт.

— Для людей, — сказала она. — Возвращаемся назад.

До старой улицы они добрались за три минуты. Чужой дом больше не узнавал Кела, но актёр прошёл мимо голубого прямоугольника, не глядя. Терен вынул вилку из-под плиты последним. Камень опустился, и лестница снова стала тем, чего в Лигате не существовало.

На Верхней площади статисты поднимали упавшую раму. Репетицию объявили испорченной из-за барабанщика; самого барабанщика уже вели к служебному фургону люди Маэр. Ная увидела это и вычла из их времени ещё час, хотя до ночной сверки оставалось больше половины суток.

Они разошлись по одному. Пробная клятва не позволила уйти далеко: к полудню шестеро снова собрались в водосборнике. Никто не предложил отказаться.

Ная расстелила три карты. Первая была официальной: Верхняя площадь и семь радиальных улиц. На второй, снятой с каменных швов, проступал Рыбный круг. Третью она нарисовала после возвращения — старые стоки, дом Летов, лестница, шлюз и ответвления, услышанные через стену.

— Хор Карт не примет название само по себе. Место существует, только если к нему можно прийти из других признанных мест. Для события нужны маршруты всех официальных участников.

— На Дне Спасения было семь героев, — сказал Кел.

— На изображениях. В служебной записи — сорок два участника. Башня потребует доказать, что каждый мог оказаться в Рыбном круге в указанное время.

— Мог? — спросила Мира.

— Нет.

Даже если заставить людей бежать, пути пересекали закрытые створки, а трое начинали на островках за восточным каналом. При прежнем уровне воды лодка не успевала обогнуть волнорез.

— Значит, мы проиграли, — сказала Илва.

— Геометрия проиграла. У неё нет клятвы.

Ная перевернула третью карту.

— Брат оставил шлюз открытым на две ладони. Под кругом проходит приливный тоннель. Если он соединён с восточным водомером, участники могли войти с разных берегов и выйти в одном месте.

— Ты этого не видела, — сказал Роан.

— Слышала.

— В Хоре слух не считается дорогой.

— Поэтому мы её пройдем.

Терен перестал перебирать вилки.

— Под рабочим приливом?

— Под отливом. Девятнадцать минут сухого дна и семь по колено в воде.

— А после?

— После дорога перестанет нуждаться в нас.

В Хор Карт они вошли по официальному пропуску за час до вечерней сверки. Мира несла табличку комиссии, Кел — схему шествия, Илва — журнал допустимых исправлений. Ная шла последней и чувствовала, как башня пересчитывает её шаги.

Семь стеклянных стен окружали пустой колодец. По стеклу двигались белые линии улиц. Люди знали дорогу домой не потому, что помнили каждый поворот: Хор каждую ночь подтверждал им, какие повороты возможны.

Дежурный картограф посмотрел на табличку Мира.

— Репетиция закончена.

— Поэтому мы здесь, — сказала Илва. — Комиссия проверяет расхождение западного маршрута.

Она открыла журнал на странице с собственной старой подписью. Юбилейная комиссия имела право уточнять доступность исторических мест, пока не меняла их общественное имя.

— Двадцать минут, — сказал дежурный. — Без новых названий.

Ная подошла к западному стеклу. На месте Рыбного круга линии изгибались вокруг пустоты. Она приложила служебную иглу к Верхней площади. Хор ответил сорока двумя светлыми точками.

— Проверка единства маршрута, — объявила Мира.

Терен ударил вилкой по медному ободу колодца. Линии замедлились. Роан открыл маленькую соляную колбу, и башня на мгновение забыла, что под площадью нет улицы.

Ная ввела первую точку в пустоту. Стекло отвергло её: сорок две попытки, сорок два тупика.

— Теперь.

Кел развернул схему. На обороте были имена участников. Он начал читать их голосом свидетеля, вызывая каждого к началу пути.

После седьмого имени пробная клятва натянулась. Внизу Мира и Терен уже спускались через зелёную дверь к старому шлюзу, неся второй камертон, связанный с первым медной нитью.

Ная повела линию не по улице, а вниз — в приливный тоннель.

Хор сопротивлялся. Но в физическом городе вода тысячекратно проходила этим путём. Камень был стёрт подошвами, на стенах сохранились скобы для ламп. Памятный раствор мог отрицать проход, известняк под ним — нет.

Вилка Терена прозвучала из глубины. Белая линия нырнула под площадь.

— Что это? — спросил дежурный.

— Водоотвод, — ответила Илва. — Участвует в доступности площади.

Клятва не обожгла её.

Ная провела вторую линию от восточного водомера, третью — от старой соляной пристани. Четвёртая застряла: участник начинал у северной башни после закрытия перехода.

— Не успевает, — шепнул Роан.

— Успевает, если ворота закрылись позже.

— А они закрылись позже?

Ная вспомнила две риски на колесе.

— Орен держал щель.

Она сместила время закрытия на одиннадцать минут. Четвёртая линия прошла, за ней пятая и шестая. По стеклу вспыхнуло: `ОСНОВАНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ`.

Ная могла сослаться на ошибку водомера, спрятать брата за неисправностью, оставить его жертвой и взять только удобную дорогу.

Вместо этого прижала иглу к знаку мастера.

Рыбья кость проступила на стекле. Хор нашёл связанную запись: не запись о гибели, а наряд на работу.

`ОРЕН РЕСС. СЛУЖЕБНЫЙ МАСТЕР ТРЕТЬЕЙ СТОРОНЫ`.

Ниже стояло распоряжение: удерживать нижний проход до завершения вывода людей из Рыбного круга, затем закрыть створки по сигналу Главного хора. Подпись принявшего была братовой.

В семейной версии Орен прибежал помогать после удара воды — смелый дурак, оказавшийся не в том месте. Ная много лет винила себя за то, что знала прилив лучше брата и не удержала его дома.

Он не прибежал. Он был назначен закрывать.

— Продолжай имена, — приказала она Келу.

— Ты уверена?

— Нет. Продолжай.

Седьмая линия прошла через тоннель. Двенадцатая. Двадцать первая. На тридцать второй дежурный потянулся к сигнальному шнуру.

Илва закрыла журнал.

— Проверка не окончена.

— Вы вводите незарегистрированный проход.

— Мы доказываем существующий.

Он дёрнул шнур. Ничего не произошло: Роан держал в колбе эхо караульной комнаты, где сигнал сочли учебным. Соль чернела.

— Быстрее, — сказал он.

Кел называл людей. Ная прокладывала им один путь: с площади вниз, через старую улицу, по сухому дну тоннеля, мимо створки, которую Орен Ресс держал открытой, в Рыбный круг. Сороковая точка погасла у выхода.

Внизу грохнула вода. Медная нить дёрнулась.

— Отлив кончился, — сказал Терен через связанную вилку.

— Ещё двое.

— У нас вода по пояс.

— У нас стекло по горло.

Сорок первая линия принадлежала советнику, чья общественная память запрещала ему спускаться ниже площади. Ная вывела его через лестницу дома Летов. Дом узнал имя и открылся на карте.

Сорок вторая точка была Ореном Рессом. Его путь уже лежал перед ней.

Ная провела иглой от третьей створки к центру круга. Хор принял линию.

Пустота под Верхней площадью наполнилась улицами: тесный обод домов, два причала, рынок, семь лестниц. В центре возник старый знак — рыбацкая корзина, разбитая волной. Название поднялось не из их уст, а из тысяч маршрутов, которыми люди ходили за солью, водой, рыбой и друг к другу.

`РЫБНЫЙ КРУГ`.

— Мы не вводили имя, — прошептал дежурный.

— Мы вернули место, — сказала Ная.

Город его узнал.

За стеклом разом изменился шум улиц. На карте десятки нитей потянулись к восстановленному кругу, будто горожане всю жизнь выбирали путь через него.

Первый красный сигнал появился у северной лестницы. Потом второй. Третий.

Ная видела людей как сбившиеся маршруты. Старик у хлебных рядов сделал привычный поворот, но память потребовала идти через дом, снесённый сорок лет назад. Женщина с тростью остановилась между двумя мостами: оба казались дорогой домой. Ещё один старик вошёл во двор архивной службы и стал искать лестницу к пристани.

— Закрепляй, — сказал Терен. — Или откатывай сейчас.

Цена ошибки была записана в плане. На бумаге она помещалась в одной строке.

Ная могла выдернуть иглу. Рыбный круг снова исчез бы, старики вспомнили прежние дороги, команда попробовала бы другой способ.

Другого способа не было. Только более удобная ложь.

— Мира, выходите из тоннеля.

— Мы почти у лестницы.

— Выходите. Я закрепляю.

Ная повернула иглу. Белые линии вплавились в стекло. Красные сигналы остались.

— Передайте службе три адреса, — сказала она дежурному. — Сопровождающим не спорить с ними о дороге. Вести по физическим улицам.

— Кто вы такая, чтобы распоряжаться?

— Та, кто только что вернула вам квартал.

В этот миг погасли двери — не свет, а доступ. Серебряные знаки на семи выходах стали чёрными. Пробная клятва обожгла пальцы, когда сеть отрезала комиссию от следующих хоров.

На западном стекле появилось сообщение:

`ЛОКАЛЬНАЯ СВЕРКА ПРИОСТАНОВЛЕНА.`

`ДОПУСКИ ЮБИЛЕЙНОЙ КОМИССИИ ОГРАНИЧЕНЫ.`

`МИРЕ ЛЕВЕН ЯВИТЬСЯ К ХРАНИТЕЛЮ ОРЕНУ ВАЛЬДУ.`

Последняя строка проступила медленнее.

`БЕЗ СВИДЕТЕЛЕЙ.`

Ная посмотрела в колодец. Под распоряжением брату открылся отчёт об исполнении. Орен Ресс удерживал третью створку двадцать семь минут после приказа о закрытии.

Под его подписью стояло обвинение в нарушении.

А под обвинением — подпись хранителя Орена Вальда.

Глава 7. Предложение хранителя

По дороге к хранителю Мира трижды увидела Рыбный круг.

В первый раз — на плане эвакуации, где серебряная линия теперь сворачивала под Верхнюю площадь. Во второй — в окне перехода: крыши, ещё утром принадлежавшие задним дворам, сложились в тесное кольцо вокруг старой пристани. В третий — в лице архивного посыльного. Юноша остановился посреди лестницы и прижал к груди папки, потому что обе памяти вели его к одной двери разными этажами.

— Северный ход, — сказала Мира. — Потом направо у медного водомера.

— Здесь нет водомера.

— Теперь есть. Но иди по стене, а не по тому, что помнишь.

Он посмотрел на неё с неприязнью человека, которому незнакомка только что объяснила собственное рабочее место, и всё же послушался. На третьей ступени его походка стала увереннее. Новая дорога уже присваивала его ноги.

Мира дождалась, пока он скроется. Подмена работала. Это должно было радовать.

За дверями Главного хора у неё забрали иглу, комиссионную печать и половину медного ключа Саи. Последнюю вещь она не отдала.

— Личные семейные предметы не входят в протокол досмотра, — сказала Мира.

Служительница в сером подняла глаза от описи.

— Это ключ.

— Половина ключа. Открыть им можно только половину двери.

Пробная клятва кольнула запястье, но не обожгла: шутка не была ложью. Служительница вызвала старшего. Старший вызвал Маэр. Начальница архивной службы появилась без папок, без двух обычных писцов и без выражения, которое можно было бы потом процитировать.

— Оставьте ей, — распорядилась она.

— Хранитель приказал без свидетелей.

— Предметы не свидетельствуют. Люди свидетельствуют, если переживут протокол.

Маэр отступила, пропуская Миру к внутренней лестнице. На её левом рукаве темнела полоска речного ила.

— Старика из двора архивной службы нашли? — спросила Мира.

— Нашли всех троих.

— Они в безопасности?

— До ночной сверки — да. После неё узнаем, какая из дорог победит.

— Не должна победить ни одна. Им нужны сопровождающие и физические карты.

— Тогда зря вы дали Хору выбрать за них.

Мира хотела сказать, что другого способа не было. Клятва заранее нагрелась на коже, и она промолчала.

Кабинет хранителя располагался не наверху, а под Главным хором. Здесь семь башен сходились корнями: за стенами шелестели стеклянные ленты, каждую ночь принимавшие воспоминания города. Пол был исчерчен кругами, но середина оставалась пустой. Ни стола, ни кресла, ни знака должности — только две скамьи и широкий проём в соседнюю палату.

Орен Вальд стоял у проёма, сняв хранительскую цепь. Без неё он казался меньше, чем на заседаниях, и намного старше. В ладони лежала белая пластинка с рыбьей костью.

— Орен Ресс, — сказала Мира.

— Двадцать семь минут неповиновения. Сорок два выведенных человека. Один утонувший мастер.

— И ваше обвинение.

— Моё.

Он не стал объяснять. Это рассердило сильнее оправдания.

— Вы знали, что Рыбный круг существует.

— Я знаю все места, которые город не может позволить себе помнить одновременно.

— Удобная должностная обязанность.

— Не особенно. Садитесь.

Мира осталась стоять. За стеной прошла волна голосов — не слова, а общий выдох тысяч спящих воспоминаний. До ночной сверки оставалось несколько часов, но Главный хор уже собирал расхождения.

Орен положил пластинку на скамью между ними.

— Вы вошли в Хор Карт по моему допуску. Использовали комиссионный журнал Илвы Гран, сценическую схему Кела Орша и настройщик Терена Мора. Эхо на сигнальном шнуре принадлежало Роану Вею. Приливный маршрут могла провести только Ная Ресс.

Мира заставила себя не смотреть на пластинку.

— В журнале были десятки подписей.

— Но только одна из них получила три ложных взыскания за отказ закрепить чужое имя. Только один актёр умеет удерживать роль при распаде личной памяти. Только один стекольщик настраивает вилки на частоту подводного хора. А след соли Роана я видел одиннадцать лет назад.

Он говорил без торжества, будто перечислял инструменты после ремонта.

— Вы вызвали меня без свидетелей, чтобы назвать имена, которые уже знаете?

— Чтобы оставить их вне протокола.

— Почему?

— Потому что вы ещё можете остановиться без публичного поражения. А я — исправить Рыбный круг без показательных арестов.

Мира коснулась кармана. Край половины ключа упёрся в палец.

— Вы хотите, чтобы я поверила в милость человека, который вычеркнул квартал.

— Нет. В расчёт человека, которому нужны живые настройщики через двенадцать дней.

Орен прошёл в соседнюю палату. Мира не двинулась.

— Если это допрос, задавайте вопросы здесь.

— Это не допрос. Допрос потребовал бы записи. А вы пришли выяснить, сколько я знаю.

Он угадал её цель так просто, что скрывать осторожность стало бессмысленно. Мира пошла следом.

За проёмом начинался узкий архив. Полки стояли не вдоль стен, а отдельными клетями, между которыми можно было провести только одного человека. На каждой двери висела деревянная метка навыка: узел, молоток, весло, акушерские щипцы, певческая маска. Не имена — умения.

Орен открыл клеть с изображением приливного колеса.

Внутри хранились не пластины. На подставках лежали предметы: обломок мерной рейки, рыбацкая сеть с неправильно завязанными узлами, медный свисток, сапожный нож, деревянная ложка с обугленным концом. У каждого — узкая карточка.

Мира прочла ближайшую.

ЛАР СЕВЕН. СТАРШИЙ ВОДОМЕРЩИК. ПОСЛЕ РАСКРЫТИЯ НЕ РАЗЛИЧАЛ СИГНАЛЫ ПРИЛИВА. ПОГИБ НА ВОСТОЧНОЙ ДАМБЕ.

Рядом лежал свисток с двумя вмятинами.

— Раскрытия чего? — спросила она.

— Несовместимых записей Дня Спасения. Мы попробовали то, чего хотите вы: вернули подавленные компоненты без подготовки общего имени.

— Кто «мы»?

— Я. Сая. Ещё девять хранителей и мастеров.

Имя матери прозвучало спокойно и от этого стало почти вещественным. Мира ждала его много лет — в реестре, в обвинении, хотя бы в ругани. Теперь оно лежало между свистком и сетью, и взять его было нельзя.

Она прочла следующую карточку.

ЭВИ РОН. ВЯЗАЛЬЩИЦА СЕТЕЙ. ПОМНИЛА ДВЕ ШКОЛЫ УЗЛОВ КАК ЕДИНСТВЕННО ВЕРНЫЕ. ПОВРЕДИЛА КИСТИ, ПЫТАЯСЬ ПОВТОРИТЬ ОБЕ.

На сети узлы тянули в противоположные стороны. Волокна почернели от крови или соли.

— Это можно подделать.

— Разумеется.

Орен открыл следующую клетку.

Там сидел мужчина.

Мира отступила, ударившись плечом о полку. Мужчине было лет сорок, но волосы выбриты, как у ученика приливной школы. Перед ним стояли три чашки и кувшин. Он наливал воду по очереди, каждый раз останавливаясь на разной высоте.

— Это шестая отметка, — говорил он. — Нет, четвёртая. Шестая при северном ветре. Где ветер?

— Его зовут Дален Ис, — сказал Орен. — До аварии он обучал водомерщиков. После неё помнит три системы отсчёта, возникшие из трёх версий эвакуации. Главный хор не может удалить две, не зная, какая держит остальные навыки.

— Вы держите его в клетке.

— Дверь не заперта.

Мужчина поднял голову.

— Господин хранитель, сегодня уровень красный?

— Сегодня тихая вода, Дален.

— Тогда девочка может пройти. Только пусть не наступает на третью волну.

Он показал на сухой пол. Мира обошла воображаемую волну. Дален благодарно кивнул и снова взял кувшин.

В дальней части палаты женщина училась завязывать фартук. Её пальцы выполняли движение до половины, затем распускали узел, потому что другая память требовала начать слева. У окна подросток читал вслух таблички инструментов, но не узнавал отца, который сидел рядом и терпеливо подавал ему каждую вещь.

Это не походило на официальный памятник. Не было одинаковых лиц, героической тишины, удобной вины. Пахло лекарственным уксусом, мокрой шерстью и кашей.

— Сколько? — спросила Мира.

— Восемьдесят три погибших. Сто семьдесят один утративший навык. Тридцать четыре семьи, в которых родство разошлось между версиями. Семь детей помнили матерей, никогда не живших в этой линии города.

Числа она уже видела на пластине в его кабинете. Здесь они перестали быть числами.

— И поэтому вы оставили одну ложь.

— Поэтому я остановил раскрытие, пока мы не научимся удерживать противоречие без принуждения.

— За одиннадцать лет не научились?

— Научились прятать последствия лучше.

Дален уронил чашку. Она не разбилась, но он вскрикнул и закрыл голову руками. Орен поднял чашку, поставил её на прежнее место и повернул вмятиной к мужчине. Тот сразу успокоился.

Это движение было слишком привычным для показательного представления.

— Рыбный круг вы стёрли не после аварии, — сказала Мира. — Его накрыли раньше. И Орен Ресс держал створку, когда вы приказали закрыть её.

— Да.

— Значит, порядок, который вы защищаете, уже был преступлением.

— Возможно.

— «Возможно»?

— Если я скажу «да», вы примете моё признание как последнюю истину? Если скажу «нет» — перестанете искать? Моя вина ничего не доказывает о том, какая память выдержит город.

Он вывел её из палаты и закрыл клеть навыка. Деревянное колесо качнулось на шнуре.

— Вы не хотите оправдаться, — сказала Мира.

— Оправдание — общественное имя поступка. До него вы ещё не добрались.

В кабинете на скамье появилась вторая пластина. Мира сразу увидела тонкий шов по краю и метку Саи — три коротких надреза, сходящихся к середине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.